

Свое пятидесятилетие Иннокентий Смоктуновский встретил вчера очень далеко от дома — в Сирии. Наша беседа произошла как раз накануне его отъезда и, замечу в скобках, через несколько дней после возвращения из Австралии, где проходила советская кинонеделя. К тому же за недолгие дни, проведенные в Москве, он успел сыграть два спектакля и вот давал интервью для «Комсомолки». Мы сидели и разговаривали дома у Иннокентия Михайловича, и я никак не мог отделаться от чувства, что Смоктуновский — гость у себя дома, где он появляется весьма редко. Видно было, что он очень устал. Наш разговор постоянно прерывался телефонными звонками, и я невольно подслушал, как он договаривался о количестве спектаклей, которые нужно сыграть на гастролях в Омске, и молил кого-то ускорить ему отпуск. В общем, несмотря на близящуюся круглую дату, беседа эта проходила в обстановке, далекой от торжественной и юбилейной. И, видимо, это вовсе не случайно — артист работает на износ и сам сознает это.

— Иннокентий Михайлович, и в кино, и в театре Вами сыграно уже очень много ролей. Ролей самых разных — классических и современных, трагедийных и комедийных, бытовых. Интересно, что вело Вас от роли к роли: может быть, желание держать себя в форме, или не хотелось отказываться от предложений режиссеров, или же были какие-то иные мотивы?

— Пожалуй, прежде всего нежелание отказываться от интересных предложений.

Моя актерскую судьбу определил князь Мышкин, сыгранный в Ленинградском Большом драматическом театре имени Горького у Товстоногова. В этой работе над удивительным образом, созданным великим Достоевским (хотя до этого были другие роли и в кино, и в театре), я впервые обрел направление движения к самому себе.

И, конечно, нельзя исключать такой фактор, как актерское тщеславие. Я, вероятно, несколько криво душой, когда говорю иногда, что совершенно нетщеславен. По сравнению с тем, каким я был, это так, однако изрядная доля этой движущей силы творчества во мне все-таки осталась. В моем возрасте я считаю тщеславие недостатком, даже боюсь его в себе, но, увы (а может быть, и не увы?!), ничего не могу с собой поделать.

Но каковы бы ни были мотивы, ко всем ролям — и к тем, что уже были сыграны до меня, и к тем, в которых я впервые представляю своего героя, — я подхожу одинаково. Я всегда безропотно иду на поводу у драматургии образа. Стараюсь погрузиться, целиком уйти в нее. Позволяю ей себя гнуть, мять, терзать. А это очень непросто — ломать себя, начинать каждый раз с нуля.

— Извините за банальный вопрос: какой Ваш любимый образ и почему?

— Извините меня, в свою очередь, но к нашей работе термин «любимый образ» неприменим, он выглядит слишком любительским. Мы учим людей самосовершенствоваться, учим постигать себя и мир, понимать ближнего. Наше занятие столь высоко, что понятие «любимый образ» по отношению к нему мне кажется несколько облегченным.

И все-таки из всех моих работ я могу выделить, пожалуй,

две. В первую очередь — это князь Мышкин, о котором я уже говорил. Он оставил неизгладимый след на всем моем дальнейшем творчестве. Другие роли, как бы хороши или дурны они ни были, всегда находились под влиянием этого удивительного образа. И если дело совсем не шло, то, значит, я на какое-то время терял связь с ним.

Ну, и еще персонаж, близкий Мышкину по масштабу мышления, чувств, по степени ранимости и по борьбе, которую он вел, стремясь к постижению человеческого духа, — это Гамлет в фильме Григория Козинцева.

которых свет до него не знал.

После Мышкина и после Гамлета журналисты часто спрашивали: как влияет на меня работа? И я довольно успешно отвечал, что стал добрее. Это было неправдой. Я не стал добрее. Просто Достоевский и Шекспир помогли мне найти в себе доброту, еще какие-то иные качества, о которых раньше я, может быть, и не подозревал.

— Ваш царь Федор в спектакле Малого театра «Царь Федор Иоаннович» стал крупным явлением в театре. Это характер, который с Мышкиным и Гамлетом, как мне кажется, внутренне связан.

— Да, безусловно. Все три персонажа сжигают себя, пы-

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Иннокентий Смоктуновский

Смоктуновский кончил говорить и вопросительно глянул, ожидая следующего вопроса. И я задал его, спрятав глаза от портрета Достоевского, который смотрел на нас со стены.

— Иннокентий Михайлович, примерно год назад в «Комсомолке» возникла дискуссия. Началась она с письма девочки-старшенкисницы, которая писала, что многие писатели-классики устарели и проблем, волновавшие их, уже не актуальны. К числу таких писателей она относит и Достоевского. Оказалось, что эта девочка не одинока в своем мнении...

Встретив красноречивый взгляд Смоктуновского, я почему-то решил оправдаться и пробормотал что-то насчет уровня преподавания литературы в школе.

— Нет, уровень преподавания в школе, по-моему, ни при чем. У меня у самого дети учатся, я часто встречаюсь с учителями и знаю, что это высокий, достойный, гордый народ.

Что же касается этой девочки, я почти уверен: она толком не прочла Достоевского, понимаете, только пробежала глазами. А этот писатель открывается не сразу. Я помню мучительный процесс работы над князем Мышкиным и Порфирием Петровичем. Мучительнейший. А к тому времени, когда работа началась, я прочитал и «Идиота», и «Преступление и наказание» раз десять — двенадцать. Могу смело сейчас сказать, что тогда я еще не знал Достоевского. И я не представляю, извините, как может девочка, один раз прочитав роман, писать в газету о том, что он не нужен. Надо прочитать его добрый десяток раз, чтобы понять тот мир, который вобрал в себя, обобщил и преподнес нам Достоевский в таких персонажах,

таясь сделать мир немножечко лучше, чем он есть. Они творят добро по велению сердца, по велению души, а то и другое диктует разуму, что надо поступать только так, а не иначе...

— Иннокентий Михайлович, снажите, не чувствуете ли Вы себя иногда Деточкинским в искусстве — тем самым Деточкинским из фильма «Берегись автомобиля», который запомнился тысячам зрителей?

— Я хотел бы, чтобы это было так... Деточкин — человек отнюдь не глупый, по-моему, даже очень умный. Характер этого человека таков, что он отвергает прозу жизни, отвергает мещанство. Высокие идеалы для него — доброта и честность. И он преданно служит им, но своими наивными, странными средствами. В Деточкине есть начала Мышкина, начала Дон-Кихота и даже в какой-то степени Робин Гуда...

Повторите, мне нелегко ответить на Ваш вопрос применительно к себе... Не знаю, может быть, моя наивная настойчивость на начальном этапе работы, когда я торможу, терзаю, мучаю режиссера, засыпая его самыми неожиданными, обескураживающими вопросами в желании узнать все, буквально все о своем герое, граничит с непосредственностью Деточкина... Может быть, я Деточкин, и когда уже прочно сижу в материале и мною движет не только разум, а интуиция, которая подсказывает мне ту или иную походку, выражение, жест. Одно могу сказать наверное — во многих своих героях, даже в умудренных жизнью, убоженных сединами людях, мне хочется открыть зрителю какие-то наивные, деточкинские, что ли, черты...

— Многие образы, созданные Вами, вошли в сокровищницу искусства. Какие новые творческие задачи Вы ставите перед собой?

— Знаете, работать сейчас стало намного сложнее. Растет ответственность перед зрителями, которые ждут и подтверждения того, что сделано раньше, и новых открытий. Растет ответственность и перед собой. Требования увеличиваются, а силы, физические силы, которых столько нужно актеру, уменьшаются (возраст все-таки!). Никогда не ставлю перед собой задачи обязательно остаться на уровне прежних работ. Нет, надо просто самозабвенно работать, надо жить с надеждой на завтра... Беседу вел А. ПАНКИН.